

**CARNIVAL
OF
RUST**

Анна Закревская

Анна Закревская

Carnival of rust

«Издательские решения»

Закревская А.

Carnival of rust / А. Закревская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851320-6

«Каждый должен сделать выбор, Кто не сделал выбор — выбыл». Отец часто повторял тебе эти слова, Макс Вебер. А ещё он говорил: «Сейчас или никогда». Но с новой судьбой, код которой переписан извне, ты забудешь и эти слова, и своё прежнее имя, Владимир Заневский.

ISBN 978-5-44-851320-6

© Закревская А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
0	8
1	11
2	13
3	15
4	17
5	19
6	21
7	22
8	23
9	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Carnival of rust

Анна Закревская

© Анна Закревская, 2019

ISBN 978-5-4485-1320-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Свадьба получилась скромная, но красивая. Платье Ольга сшила себе сама, а рвущий шаблоны серебристо-синий пиджак Флину одолжил знакомый барабанщик из малоизвестной рок-группы.

Шикари стоял с камерой в руках, подперев собой узкую колонну в полутёмном зале ресторана, выдержанного в духе андеграунда 2050-х, и снимал свадебный танец Флина, на автопилоте ловя в фокус изящную пару – высокий светлоглазый мужчина и хрупкая женщина с русыми волосами до пояса. Ольга была старше Флина на целых девять лет, но этот факт, и в прежние времена волновавший лишь умы ортодоксальных социоинженеров, сейчас, после пандемии вируса Фарзи-Коха, стал абсолютно незначимым в стране, потерявшей добрую четверть своего населения и вынужденной восполнять потери всеми возможными способами. Ах, да, ещё один бой шаблонам – три долгих месяца, в которые превратились привычные три часа, отделяющие момент регистрации брака от столь желанной для гостей вечерней гулянки. Флин и Ольга расписались без свидетелей в начале весны, а потом сняли номер в высотке Делового центра ровно на одну ночь.

Переводя взгляд то на камеру, то на танцующих, Шикари в который раз поразился тому, как различается восприятие вживую и с экрана. Вроде бы «объект наблюдения» один и тот же, но бесстрастная плёнка жидких кристаллов, словно монохромный светофильтр, показывает лица и события как есть, не оставляя места на фирменную цветокоррекцию в программе «Воображение и чувства». И, сколько не меняй ракурс, а уже понятно по чуть напряжённой спине невесты, по трепетной нежности объятий жениха, что пополнения им ждать осталось гораздо меньше, чем положенные девять месяцев.

Диалог Флина и Шикари состоялся ближе к полуночи, после праздничного фейерверка, и был коротким, как вспышка зажигалки, поднесённой к свече.

– Двойня будет, Флин?

– Ты откуда зна...

– Это не я, оно само, – улыбнулся Шикари. – Помнишь, дядя Овер говорил нам про кармический узел?

Флин вздрогнул и еле заметно кивнул. «Дядей Овером» оба, не сговариваясь, стали называть Кристиана Вебера после его гибели. Отец Флина и дед Шикари разбился в горах пятнадцать лет назад, за каким-то лесом сорвавшись в грозу на личном самолёте. Тела его так и не обнаружили, и даже наткнувшись на короткую записку, приклеенную скотчем к монитору отца, Флин не нашёл в себе сил расстаться с абсурдной, отчаянной верой в то, что Крис однажды распахнёт дверь, стремительно скинет серебристый плащ на вешалку, светло улыбнётся и кивнёт головой в сторону кухни – мол, сделайте кофе со сгущёнкой, я тут тортик принёс, рад вас видеть до безумия...

Летающий почерк, потерявший свою кристальную разборчивость.

«Превыше умения остаться – лишь умение уходить вовремя».

– Узел, говоришь? – с трудом выбираясь из-под вороха цветных воспоминаний, переспросил Флин. – Нет больше никакого узла. Жизнь разрубила. Только вот следом новых наплела...

Шикари закусил тонкие губы и полез за сигаретами. Курил он редко, но момент располагал как никогда, ибо и ему – в туманной, но неуклонно приближающейся перспективе – светило обзавестись семьёй и зачать ребёнка. А лучше двойню, так налогов станет вполовину меньше, плюс даровое жильё от государства, которое сейчас тянет с него, лаборанта в отделе сверхточной оптики, мзду за отсутствие жены и детей, что после злосчастной пандемии негласно

приравнивалось чуть не к предательству родины, безвременно потерявшей так много своих птенцов.

– Кем они у тебя будут, Флин? – подал Шикари голос прежде, чем свежеиспечённый муж сунулся во внутренний карман пиджака за зажигалкой.

– Старший хирургом, – отозвался Флин. – Ему скорость реакции для этого повысили на несколько баллов. А младший... программистом. Сказали не прерывать династию, но следить, чтобы не сорвался – вроде бы риск минимален, так, на всякий случай... Нет, не я навязал вам систему каст...

Флин мотнул головой, заткнувшись на середине стихотворной строки, оглядел тёмные коробки типовых двадцатиэтажек, стоящих, словно недоеденные кукурузные початки с редкими янтарными огоньками в окнах, и протянул Шикари руку.

– Пойдём обратно, а то простынем ещё, за больничный из зарплаты выдерут...

0 Дурак

*«Мама, папа, братан,
Послезавтра я улетаю на Луну. Простите, что в последние полгода был с вами не особо откровенен: честно говоря, боялся, что начнёте отговаривать меня (особенно ты, мам =)))
Но я прошёл все этапы отбора и теперь буду штатным врачом в экспедиции.
Поверьте, так будет лучше для всех.
Влад».*

Ещё раз перечитав короткое письмо от брата, Макс едва слышно вздохнул. Заменить пару фраз – и получится готовая предсмертная записка, одна из тех, для семантического анализа которых парень писал программный код уже вторую неделю. Впрочем, если всерьёз принять безумную гипотезу о том, что смерть – не конец, а начало нового уровня, то Влад, умудрившийся не изменить своему призванию, на него благополучно и перешёл. В плане карьеры, разумеется.

Лёгкая зависть на миг сжала парню горло, но отчего-то смиловалась и отпустила свою жертву, оставив по себе запах снежного ветра на перекрёстке двух дорог, где вместо полосы разметки белой краской была написана длинная строка, окончанием своим уходящая за далёкий горизонт:

*«Каждый должен сделать выбор:
Кто не сделал выбор – выбыл».*

Тонкие пальцы легли на светящийся лист сенсорной клавиатуры. Макс писал ответ с закрытыми глазами.

«Рад за тебя, Влад. Честное слово) Приедешь завтра вечером? Мама пирогов напечёт».

Щелчком пальцев отправив белый текстовый конвертик в полёт к почтовым серверам, Макс вывел на основной экран окошко соцсети.

Kai Meijer: online

Макс коротко мотнул головой, открывая диалог. Боги Сети, успею ли?

Max_ Weber:

22:30

Привет, Кай.. как ты?

Где-то там, за двумя кордонами, в малометражной квартире, живёт парень – хрупкий тростник, замерзающий принц с мозолями на чутких ладонях, что пашет сейчас в две смены, чтобы прокормить больную мать и накопить на авиарейс эконом-класса по маршруту «Схипхол – Шереметьево», на ответный полёт к тому, для кого он уже полгода как стал кем-то большим, чем «друг по переписке».

Max_ Weber:

22:32

Ты в пути или уже вышел в смену?

Нервная получилась фраза, по-февральски строгая. Прости, Кай. Если б мы сейчас могли взглянуть друг другу в глаза, ты бы увидел, что нет меж нами холода, а есть лишь моё беспокойство за тебя. Странное предполуночное беспокойство, которое я не могу выразить словами и кое-как увожу в фон, ибо трушу назвать это чувство вслух его истинным именем.

Max_ Weber:

22:35

Не знаю, когда ты прочтёшь.. но я с тобой. Всегда с тобой, Кай.

Выпустив на волю последнее сообщение, Макс откинулся на спинку кресла и замер перед монитором, прожигая взглядом бледно-голубую рамку вокруг своих коротких, дёрганных строчек, но тонкий лёд упорно не желал плавиться под огнём его тёмных глаз, и Макс в который раз предал анафеме всех кодеров, по глупости которых родилась жестокая иллюзия «user online», хранящая следы тепла адресата ещё десять минут после его фактического выхода из сети.

От телефонного звонка Макс вздрогнул, словно ударенный током. Ёлки-палки, парень, ты сам выбрал этот зубодробительный дабстеп мелодией вызова, чтобы не пропускать момента, когда родителям / начальнику / девушке приспичит ввалиться в твой мир с просительно сложенными лодочкой ладонями, в которые ты должен доверху насыпать коричный сахар любви и внимания, вне зависимости от того, что происходит в данный момент в твоей собственной жизни. А может быть, это всё-таки Кай? Да, он не любит телефонные звонки, да, это непозволительная роскошь международной связи, но вдруг...

Звонит: Тома

Принять / отклонить

Вдохнув до упора, Макс подмигнул своему отражению левым глазом, что означало примерно следующее: «комп, прими вызов, нет, блин, не в колонки, а в наушник».

Пару секунд система думала о чём-то своём – вполне возможно, о том, не скинуть ли звонок, раз хозяин не в духе, но потом-таки установила соединение, безнадёжно потеряв начало фразы, со скоростью пулемётной очереди выданной девичьим голосом на том конце.

– ...до Фрязино, я верно помню? Можно с тобой, Макс?

Впрочем, Макс не нуждался в повторе. Еженедельные пятничные гонки на флаерах – соревнования, лишённые почти всяких правил по причине изрядно обезлюдевшего неба, были страстью Максима. Макс летал в паре с Мирой, таким легковесным темноволосым эльфиком в шнурованных ботинках. Эльфик должен был стать парнем-дальнобойщиком, но накануне его создания город получил новый план социального развития, и Миру в срочном порядке переписали под оператора хлебопекарного завода. Убрать любовь к дорогам, правда, как-то забыли, и теперь Мира отводила душу в полётах под ночными небесами, но с недавних пор Макс не удавалось вырваться на тусовку без Тома, поэтому он был вынужден познакомить свою земную подругу с небесной. Впрочем, Томин коммуникативный энтузиазм, достойный вожатого в пионерлагере, быстро угас по причине катастрофической нехватки тем для разговора, которые могли бы стать общими для неё и Миры.

Да и чёрт с ними, с темами для разговора, мысленно пнул себя Максим, дело не в темах, а в чём-то гораздо более глубоком, в том, из-за чего он на прошлой неделе залажал с перерасходом топлива, как желторотый птенец, и Мира шипела у него за спиной, закогтив плечо, словно рассерженная кошка, а Тома с блаженной улыбкой торчала где-то на далёкой земле, запрокинув голову к покинутым небоскрёбам Москвы-9, и пыталась выловить взглядом сереб-

ристый эльфячий флаер – да-да, собственной машины у Макса ещё не было, потому и сердилась Мира, потому и выходить Максу завтра с ранья на подработку в фастфуд-ларьке, чтобы скорее накопить хотя бы на подержанный «Хайскай», а уж до ума он его сам доведёт. Но это всё потом, а пока...

– Пойду, Тома. До скорой встречи.

Клавиша сброса.

Выдох.

1

Маг

Тощий растрёпанный парень стоял перед зеркалом в ванной, тяжело оперевшись на отполированную до блеска раковину. Сквозь неплотно сомкнутые веки в него медленно проникала стерильная фаянсовая белизна, вымораживая уставшую за муторный день душу и нисколько не помогая прийти в себя перед ночной сменой. Соседский интервизор за стенкой работал на полную мощность, бодрым голосом диктора сообщая, что утром президент России передал текущие дела и файлы памяти своему второму дублёру, а церемония прощания с его телом состоится завтра в...

Не открывая глаз, парень тихо зарычал. Случайная новость прихлась ему как короткий тычок локтём под рёбра, мигом всколыхнув омут боли под сердцем. Сколько людей, таких же, как он, отдали бы всё, что угодно за то, чтоб вернуть близких, погибших во время эпидемии, но, чёрт возьми, им пришлось выучиться жить заново, убрав лишние тарелки на дальнюю полку, однако же в законе не было переписано ни единой строчки, и сейчас на территории Нидерландов клонирование человека было по-прежнему запрещено, но, кажется, там, у русских, действовал избирательный принцип: «Нельзя, но если очень хочется, то можно, особенно если ты из касты сильных мира сего».

Тонкие пальцы выловили на шее потёртую серебряную цепочку с подвеской в виде птичьего пера, перехватили его, словно лезвие, и с силой черкнули по бледной коже запястья.

Прикушенные губы, еле слышный стон. Так же стонал ты на смятых простынях месяц назад, там, на пятьдесят пятом этаже московской высотки, улетаая в стратосферу от одного взгляда тёмных глаз, что поднимали тебя в небо волной запредельного обожания. Ты стонал от наслаждения и боли, вдыхая тонкий аромат корицы с горькой ноткой полыни, понимая уже, что нет и не будет у этой отчаянной любви никакого «завтра», а потом не смыкал глаз до самого рассвета, боясь заснуть на плече своего ангела и случайным взмахом ресниц разрушить магию сегодня, которое не кончится никогда...

Короткий пунктир жалкой царапины нехотя потемнел от крови, и прозрачный пластиковый браслет на костлявой руке юноши засветился бледно-голубым, настойчиво показывая ему утрехтское время. Следом из комнаты раздался тихий плач и невнятная жалоба. Парень приложился спиной об угол туалетного шкафчика, плеснул струю воды на запястье, судорожно вдохнул и решительно открыл глаза, в упор встретив взгляд своего зазеркального двойника. Двойник молчал, и лишь на самом дне его зрачков пойманной рыбой билась короткая фраза.

«Время, чёртово Время...»

– Мы безумно ограничены были в нём всегда, – прошептал парень, а затем, заставив свой голос быть бодрым и приветливым, сообщил в распахнутую дверь, – я выхожу, мам. Посмотри про лошадей и про нерп, тебе понравится. И не забудь про таблетки.

Заведующий отделением социогенотики одного из столичных научно-исследовательских центров переодевался в крайней спешке, клятвенно заверяя ревнивицу-Работу в том, что обязательно вернётся к ней завтра утром, а сейчас, простите, он рискует нарваться на неприятности, если опоздает на вечерний семейный киносеанс.

Компьютер заведующего, впрочем, остался равнодушен к метаниям пожилого доктора, ибо всюю скачивал внезапно прилетевшее обновление одной программы.

Уставшие глаза безнадежно прищурились на короткую строчку: «Установка обновления: 15%. Оставшееся время...». Доктор раздражённо махнул рукой и, подхватив барсетку, пулей вылетел за дверь. Тихо щёлкнул электронный замок, и в тёмном кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим, на грани слышимости, шуршанием кулеров старой машины, которую хозяин был вынужден оставить один на один с новой задачей.

Спустя пару минут экран ожил, выкинув узкое диалоговое окно. Программа успешно обновилась, сменила иконку со стилизованного «Инь-Яна» на круг, перечёркнутый зигзагом, и теперь до предела разгоняла скорость интернет-соединения с тем, чтобы передать базу данных с компьютера на удалённый сервер.

Времени до утра было более чем достаточно.

2

Жрица

Не было для Миры большей радости, чем отправить свою чудосочную тушку в путешествие из пункта А в пункт Б, и потому девушка мёртвой хваткой вцеплялась в любую возможность сменить до боли привычный вид на квартал клонированных двадцатиэтажек и корпуса хлебопекарного завода, от которого при зюйд-весте денно и ночью несло тёплым ароматом сдобы. Запах-то отличный, но только не тогда, когда он врывается в твоё окно, пропитывая собой всю одежду, сколько бы пакетиков с морской солью ты не нанизывала на вешалки.

И сейчас Мира валялась на верхней полке скоростного поезда «Москва-Североморск», проверяя на прочность новые наушники. Плейлист «Избранное» был заготовлен ею специально для этой цели.

A long time ago there was a hand
Covered me in times of trouble, – голос солиста полнился силой и отчаянием, как у непокорного ангела, сброшенного с небес.
But now I'm alone on this world
A colorless desolate lifetime...¹

Где-то за стоп-кадром грозового неба над крышами пятиэтажек, перекрывая раскаты далёкого грома, раздался короткий писк входящего сообщения, и Мира поджала губы, не открывая глаз.

Надо было отключиться от сети.

Ладно. Прочитать.

mirror@search.ru

Ваш заказ сформирован. С подробностями можете ознакомиться в гостевом доме по адресу...

А, наверное, движок из Швеции приехал. Наконец-то. Не останавливая музыку, Мира дёрнула бровью, чтобы перейти по ссылке. Бровь отозвалась еле заметной тянущей болью в том месте, где красовалась новая титановая серьга. Окошко браузера выскочило перед внутренним взором Миры и свернулось испуганным кроликом на боковой панели рабочего стола, наблюдая, как её нога в изящном сапожке внезапно срывается вниз, во тьму открывшейся подземной пещеры, и с коротким вскриком девушка падает в реку-под-рекой.

Радужная лента ведёт Миру сквозь галдёж и сутолоку индийских доменов, воздушным мостом протягивается через океан и осторожно опускает её на затерянный северный остров, где высится одинокая башня, в основании квадратная, ближе к вершине – шестиугольная. Солёный морской ветер лохматит Мирины кудри. Девушка пожимает плечами, равнодушно принимая странности системы авторизации, и решительно открывает скрипучую деревянную дверь.

В сумрачном коридоре пахнет мокрым песком и терпкой смолой, словно кто-то поджёг янтарь. В конце коридора тускло блестит чуждая здесь матовая сталь лифтовой кабинки. Интуиция Миры выдаёт робкое «Что-то не то», когда за её спиной закрывается дверь, на секунду

¹ Darkseed – Lifetime Alone

оставляя девушку во мраке, а потом стеклянные створки лифта бесшумно разъезжаются в стороны, и приглушённый синий свет льётся с потолка, обрисовывая изящные очертания аэроцикла.

Поперхнувшись от изумления, Мира выдаёт короткий присвист, ибо даже профан узнает в текучих очертаниях изящной машины последнюю модель «Nord-Navigator», предмета страстных мечтаний доброй половины аэрогонщиков в её клубе. Логотип, впрочем, какой-то незнакомый: круг со стремительным росчерком, но не всё ли равно, чего там приклеили на фасад, если «Навигатор» – единственная машина, способная разогнаться до двухсот километров в час за три с половиной секунды?

В единый миг позабыв о том, что, собственно, ей следует всего лишь подтвердить доставку двигателя (кстати, где он?), Мира протягивает руку вперёд и дрожащими пальцами касается рукоятки газа «Навигатора». Рука у Миры сильная, непривычно широкая, и это потому, что она не Мира уже, а Амир. Отзывчивая машина говорит с пилотом на единственно доступном языке, зажигая голубую подсветку приборной панели – электромагнитный заряд набран до предела, все системы работают штатно, полетели?

И Амир с беспечной лёгкостью запрыгивает на мягкое кожаное сиденье, которое словно было создано специально для него.

Лифт стрелой уходит вниз, пол у него вскрывается, как консервная банка, и «Навигатор» пушечным снарядом вылетает в звёздное небо Города-под-городом.

Амир наклоняется вперёд, всем телом прижимаясь к сиденью, как к давнему любовнику, и, едва сдерживая дрожь нетерпения, переводит контроллер в режим максимальной тяги.

«Навигатор» выбрасывает в стороны тонкие прозрачные крылья, ловя восходящий воздушный поток.

В транскоде всегда ветер. Его рожают те, кто умеет летать. Когда ветра не станет, Река-под-рекой исчезнет навсегда.

3

Императрица

Вопреки обыкновению, из очередного невразумительного сна Тому вывело не классическое субботнее «Умеешь гулять всю ночь – умей и встать пораньше» в мамином исполнении, а треньканье планшета, которому не терпелось показать своей хозяйке входящие сообщения.

Daria_B:

Томочка, привет! Как твои дела?

Разлепив один глаз, Тамара уставилась на экран, скептически хмыкнула на банальную «какделу» и собралась уже ткнуть пальцем в кнопку «Спам», как вдруг её осенило.

Дашка. Однорупница, ходившая в институт редко, но метко, а в прошлом году взявшая академку. Б – это Борисова, как выясняется, а не Яковлева, коей она была на третьем курсе. А значит, дальнейший диалог – дело техники.

ТатаТома:

Привет, Даша) Норм, твои как? Или скорее ваши с... мальчиком? девочкой?

Три... Два... Один.

Daria_B:

Да вот, замуж вышла, пацану год будет скоро.. болел недавно, но ничего, сейчас всё хорошо)) Хотела пригласить на крестины.. Ты как, своих не планируешь?

У-у-у. Тома отбросила телефон, словно он вдруг превратился в скользкую жабу, и тихо завыла в подушку. Мама – раз. Тётя Лиза – два. Три подруги, три загнутых подряд пальца – и левая ладонь девушки превращается в кулак. Самая настоящая ddos-атака, пресвятые провайдеры. Терапевт в поликлинике, Дашка... эй, есть ещё желающие расставить пару флажков, чтобы загнать, наконец, зверя по имени Тома в клетку, шар в лузу, а ян – в инь?!

Ну, допустим, последняя часть вопроса вчерашней ночью была снята весьма и весьма внезапно. Аккурат после Томино: «Эта Мира... Ты её всё ещё любишь?» Едва отзвучало последнее «любишь», зрочки Макса полыхнули тёмным огнём, словно ему по мозгам ударило приворотным заклинанием, и он прижал Тому к холодной стене лестничного пролёта в паре этажей от её квартиры.

И сейчас Тома не спешила выходить из комнаты, по крайней мере, до того момента, когда за вечно спешащей куда-то матерью не закроется входная дверь, и можно будет незаметно проскользнуть в ванную, чтобы смазать заживляющим гелем ссадины на локтях и коленях, полученные ею в качестве ответа на глупый, неуместный и – чего скрывать – откровенно провокационный вопрос, который Тома задала Максиму нарочно, не пряча насмешливых ведьминских глаз из зоны поражения его взгляда.

Впрочем, бояться было нечего. Как бы Тамара не разыгрывала сопротивление вчерашней ночью, её внутренняя Интриганка прекрасно догадывалась, на что шла, поэтому перед аэро-

гонками девушка тайно хватанула маминых противозачаточных таблеток, которые уже десять лет как были под запретом, но отчего-то до сих пор не были выброшены в мусорное ведро.

Да, чёрт возьми. Да. Тамара вздохнула и едва заметно поморщилась от боли в ушибленной спине. У неё не было за душой ни ангельской красоты фотомодели, ни богатеньких предков, ни ума нобелевского лауреата по физике. Всё, что она могла – это методично и расчётливо идти к той ступени, которая позволила бы ей слезть с маминой шеи и самостоятельно подняться выше. К той, раздери её пелёнки, ступени, у которой за последний месяц собралась целая толпа, дабы позвать её в райский сад материнства, и только лишь от этого вмиг потерявшей всю свою привлекательность. Вид младенцев, вывозимых на «свежий воздух» соседского балкона, не вызывал в Томе ни трепетного умиления, ни резкой неприязни. Как говорится, партия прикажет «надо» – комсомол ответит «есть, но как-нибудь потом», но ведь одно дело – самой объявить, что она выходит замуж и рождает ребёнка, а потом наблюдать, как падают на пол челюсти родных и подруг, и совсем другое – получить от них умудрённое опытом «ну наконец-е-ец-то», которое неизбежно достаётся самому отстающему участнику этого тотального челленджа.

А, к админам всю эту кутерьму.

Ещё один тайник – на этот раз отцовский, святая святых – был в очередной раз вскрыт ловкими девичьими пальцами. Мелодичный стеклянный звон, тихое бульканье, короткий хрип и сбитое дыхание.

Тамара отвела вбок руку с бутылкой, в которой плескалась жидкость цвета крепко заваренного чая, и судорожно закашлялась, так некстати вспомнив своего «бывшего», который слинял в неизвестном направлении полгода назад, когда Тома шутки ради сунула ему под нос чужой тест с двумя полосками.

Только с Максом эту шутку ей не хотелось повторять ни капельки.

Возвращая бутылку на место, Тома заглянула в сумрачные, пахнущие старой гербовой бумагой недра тайника, чтобы по привычке поймать в дальней зеркальной стенке своё отражение. Вторая Тома тоже не была расположена к шуткам. Боялась сглазить? Тамара фыркнула. Бредовые предрассудки, достойные церкви возрожденцев, в чьём лоне Дашка собралась крестить своего пацана. Нижней чакрой чувствовала, что Макс не таков, как «бывший»? Да. А потому и не хотела строить отношения с ним на заведомой лжи.

4

Император

Влад шумно ввалился в тесную прихожую, наполнив её ароматом резины, озона и близких дальних странствий. Резиной несло от скафандра, который он тайком унёс с базы, чтобы показать родителям. «Похвастаться, – ввернул Ребёнок в голове Максима. – Как всегда, тебе по праву первенство дано, а я в семье лишь нерадивый младший², хоть и разница у нас с тобой всего семь минут...»

– Померить можно? – с озорной улыбкой отмочил отец.

– За две минуты уложишься? – хохотнул Влад. – Я ж засеку...

Стремительным движением Флин запрыгнул в длинные штанины и резко наклонился вперёд, на миг уподобившись волку в овечьей шкуре. Несколько секунд борьбы с непослушными рукавами – и отцова седеющая голова уже в ударопрочном аквариуме гермошлема, а в воздухе звучит короткий взвизг застёгиваемых молний.

– Аоато аа-ю, – смеётся Флин, пытаясь приподнять заклинившее забрало, и когда Влад снимает блокировку, выдаёт ему повтор, – коротковато, говорю... Оль, иди сюда, тебе в самый раз будет.

– Как бы он после меня в пятой точке по швам не лопнул, – прибедняется мама, напрашиваясь на комплимент.

Дом, милый дом.

– Ну, а ты как? – вложив в голос максимум тепла, чтобы, не дай боги Сети, брату не помешалась издёвка, спросил Влад Максима. – Над чем сейчас работаешь?

– Да так, мелочи, – выдохнул Макс. – Семантическая прога... Начальник предлагает писать кандидатскую, говорит, тема – огонь, нельзя упускать момент...

[Спасибо, что хоть о детях не спрашиваешь, братан.]

– А, ясно, – интерес у Влада пропал едва ли не быстрее, чем появился, и эта коломенская верста с характером электровеника переключилась на собственную мать, которая как раз зашла в комнату, неся на вытянутых руках увесистый пирог с апельсинами и корицей.

– Нет, мама, с собой я его не возьму, иначе взлёт отменят из-за перегруза.

Ольга звонко рассмеялась, Флин прыснул в кулак, и даже Макс улыбнулся удачной шутке старшего брата.

«В конце концов, он не виноват, что ты такой нелюдимый и скучный, – назидательно произнёс его внутренний Наставник. – Чем круглый день сидеть на месте и сравнивать себя с другими, выбери вектор и работай над собой...»

Вектор.

Вебер.

Выбор.

Улыбка на тонких губах Макса застыла, схватившись хрупким льдом первых заморозков.

Почему у меня не получается быть таким, как ты, дедушка? Да, я уже не застал тебя в живых, твоё имя увешано цветными ленточками легенд и мифов, но, даже оставив в стороне весь этот эпос, я смотрю на собственного отца и могу представить, каким ты был, понимаю, что такое настоящая пляска на Нейтрали во имя Симметрии. Не было бы её – мы с братом дрались бы за право первенства каждый день и час, настолько мы непохожи, но ты сумел вырастить нас товарищами, готовыми в любой момент постоять друг за друга, отбросив мелочную шелуху повседневности. Не было бы культа Баланса и Принятия – и ты проклял бы либо семью, либо

² Юлия Черненко (Граугок) – Братское

работу, либо друзей, потому что одно-другому-третьему порой мешает, ещё как мешает. А ещё ты умел делать настоящий Выбор, дедушка Крис. Папа тоже умеет. Даже брат вон умеет, а я...

А я всего-то и смог, что загнать свои поезда на две тупиковых ветки по маршруту «Кай» и «Тома», беспечно повторяя в пути твою мантру «Одно другому не...» Мантру, которая не более чем пустой звук, если не сумел пропустить её серебряной нитью сквозь сердце, разрезав его на столько частей, сколько требуют те, кто тебя любит.

– А правда, сын, – голос Флина раздался вдруг над самым Максимовым ухом, – защитись ты, пока предлагают. Выгорит – не выгорит, это уже второй вопрос, так хотя бы учебную отсрочку получишь от...

– Да знаю, знаю, – с плохо скрываемым раздражением пробурчал Макс, прикрыв глаза и мотнув головой, чтобы отогнать прочь стихотворную кавалькаду вариаций на тему «ветер – Вебер – выбор – Выборг – киборг...». Поэзией не заработаешь, а на работе ему и так приходится прогонять через себя грузовые вагоны слов, вот, даже на элементарное общение с близкими уже сил не хватает...

Цветные пятна под уставшими веками программиста лениво побродили из стороны в сторону, а потом слились в звёздное скопление, планеты выстроились в ряд, и далёким росчерком кометы над ними проступило едва заметное: «Что, если нейтраль – не бегство от выбора, а самый что ни на есть сложный выбор?»

Решать тебе, Макс Вебер.

5

Первосвященник

– Хлеб будете белый или серый? Наполнители: крабовое мясо, стейк, курица, вегетарианс...

– Мне бы чайку, сын мой, да покрепче.

Низкий, неторопливый голос, подобный благовесту над Кижами, заставил Макса выйти из сонного ступора и распахнуть глаза, в упор встретившись с добрым, задумчивым взглядом служителя божьего.

Радужка цвета морёного дуба сканером прошла по лицу парня, помешав ему отшлифовать в уме шуточную мысль, что поп подбирает напитки под цвет собственных пресвятых очей, ибо нехорошо смеяться над человеком, второй глаз которого скрыт под плотной повязкой.

– Да, конечно, – переходя к финальному «end» в закольцованном алгоритме субботнего утра, Макс кивком головы пригласил попа сразу на кассу.

Порывшись в глубоком кармане тёмно-зелёной рясы, поп извлёк оттуда пластиковую карточку. Транзакция проходила до ужаса медленно, надо полагать, что не через спутник, как у всех нормальных людей, а с помощью ангельской почты, поэтому Макс вновь успел задремать над кассовым аппаратом и очнулся, словно получив разряд под рёбра, от короткой поповой фразы:

– Скоро будет у тебя мальчик... махонький, интересный.

– Э-э... Не понял, это вы мне? – сиплым, как у гопника из Солнцево, голосом уточнил Макс.

– Тебе, тебе, сын мой, – как ни в чём не бывало, откликнулся поп. – Отречёшься от шелухи, которой ты жизнь свою наполняешь, ради того, что назначено судьбой и природой...

Тонкие пальцы программиста впились в край полированной столешницы. Титаническим усилием воли Макс удержал на краю побледневших губ грязевую лавину матерных слов, ибо за обсценную лексику в присутствии представителей власти и духовенства можно было схлопотать нехилый штраф, и от души выругался про себя, искренне надеясь, что настырный поп умеет читать мысли. Вовне же он выдал дежурное, умудрившись глухо рыкнуть там, где по определению не было ни единой буквы «р»:

– Ваш чай, пожалуйста.

Поп забрал чашку и, разворачиваясь к выходу, хитро подмигнул Максу единственным глазом. Подол его сутаны взлетел в воздух тяжёлой болотной волной, умножая на ноль остатки Максимовой веры в то, что каждый человек – сам себе хозяин, которого Создатель, буде таковой – не выдумка, по умолчанию одарил правом свободно выбирать свой путь на бездорожье третьей от Солнца планеты.

Здание городской библиотеки в транскоде было на вид столь же непримечательным, как и в реальном мире: вход со двора, образованного тремя многоэтажками музыкального хостинга, да скрипучая дверь с надписью «Чтение даёт настоящую свободу». В сочетании с внушительными решётками на окнах выглядело так, что хотелось дописать – «Оставь надежду всяк, сюда входящий».

Посещаемость библиотечного сайта, однако же, за две недели выросла на радость департаменту образования ровно втрое. Пришедшие новички пачками запрашивали электронные копии малоизвестных трудов и, судя по длительности открытых сессий, читали их там запоем

от корки до корки. Обычно это случалось в ночь с пятницы на субботу, хотя и в будничные вечера желающих хватало.

Спотыкаясь в сизом рассветном сумраке о расставленные как попало стулья, ночной админ убирал с подоконника смятые бумажки лог-файлов, распахивал настежь окна и накрывал пушистым бежевым ковриком еле заметную щель в полу.

В подвале настоящей библиотеки водились два котика и семейство пауков. В подвале её цифрового двойника месяц назад пробил портал в Город-под-городом. Эти порталы были ископаемой редкостью, чудом из чудес, и эпизоды их стихийной сборки за всю историю существования транскода можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Сёрферы старой школы бережно передавали друг другу легенды о Тайном городе, куда Река-под-рекой пускает своих птиц только во время Большой перемены, и шёпотом, замирая на вдохе, добавляли: «Пятые каникулы будут последними».

Что ж, может, так и будет. А пока ночной админ, сдувая с высокого лба непокорную тёмную прядь, тщательно стирает отпечатки следов тех, кто привык входить в окно и выходить через пол под самым носом у правильных и праведных, с тем, чтобы следующей ночью дерзкие смельчаки вновь могли свободно повторить свой безумный полёт. Достаточно упасть ещё ниже там, где, кажется, падать уже некуда, а потом найти в себе силы подняться на ноги и встретить взгляд того-кто-за-зеркалом. Того, у кого может оказаться какое угодно лицо, но глаза всегда будут твоими.

Тихо-тихо, чтобы не нарушить хрупкий предутренный сон пустой библиотеки, админ возвращал вымытые чашки на положенное место и мурлыкал себе под нос приставшую ещё позавчера песню:

*Провода режут небо на лоскуты,
Кто нам даст лекарство от пустоты?
Чтоб не кануть в топь повседневных драм,
Ухватись за провод, пойдёт искра...
Но не бойся тяжёлых шагов и заломленных рук,
Равнодушья ответственных лиц, подозрительных взглядов.
Сохрани в своем сердце безумную нашу искру,
От которой потом загорятся сердца миллиардов!³*

К одной из чашек кто-то наскоро приклеил белый стикер. Сняв бумажку, админ прочёл короткое послание, и его бледное лицо на миг осветилось усталой улыбкой.

Записка счастливо избежала мусорной корзины и обрела новый дом за подкладкой админской шляпы. Люди приходили в библиотеку чуть ли не сотнями, но ещё никто не оставлял личной благодарности тому, в чьих руках были ключи от сайта. Тому, кто встречал гостей дружеским кивком и сканирующим взглядом тёмных глаз.

«Крысолову от Стеллы. Спасибо, что помог разбить фальшивые зеркала».

³ Felidae—Искра

6 Влюблённые

Школьные подружки в шутку спрашивали Тому, не было ли у неё в роду немцев или часовщиков, ибо чем ещё можно было объяснить фантастическую точность – вплоть до времени суток – с которой на неё обрушивался грозовой фронт «критических дней»? Тем большее беспокойство девушка ощущала сейчас, на шестом дне их неожиданной задержки.

«Да мало ли, замёрзла на ночной прогулёжке, перенервничала из-за сессии в инсте, – с театральной беспечностью подкидывало варианты Томино «Всё путём».

«Бегом в аптеку! – стенала её же «Всё-полная задница» – За тестами!

И, пока Разум Тамары захватил власть над её руками, приказав им пошарить в поисках тест-полоски там же, где были найдены злосчастные противозачаточные таблетки, её внутренняя Королева мучительно выбирала: отравиться со стыда или всё-таки повеситься, ибо игра вышла из-под контроля и потому была проиграна, а сама она за самонадеянную торопливость оказалась низвергнута на место пешки.

С обречённостью смертника, приговорённого к казни на электрическом стуле, Тома плюхнулась на гладкое сиденье унитаза и прислонилась лбом к шершавой плитке цвета «новогодний мандарин». Чем новогодние мандарины отличаются от обычных, не знал даже продавец плитки, тем паче консультанты в магазине сантехники.

Узкая бумажная полоска, пока ещё девственно-белого цвета, ждала своего часа в стаканчике, зажатом между ног девушки, но она никак не могла выдавить из себя хоть каплю нужной жидкости.

А, собственно, нужна ли эта чёртова правда прямо сейчас?

Вот тебе задачка. Информатика, пятый класс. Алгоритм «или». Вариант «А». Ты не беременна. Выдыхаем, пьём шампанское. Вариант «Б». Ты беременна. Ни денег, ни связей для того, чтобы подпольно сделать аборт (а, собственно говоря, легально его уже нигде не делают), у тебя нет. Вариант «В». Ты беременна. Говоришь об этом Макс, и... что? Он делает тебе предложение из жалости и чувства долга, которые отныне станут у него сахарозаменителем любви? Или отдаёт тебе все свои сбережения на пресловутый аборт, после чего навсегда уходит с твоей орбиты?

Ах, да. Вариант «Г». Ты не делаешь тест, и будь что будет. Только глянуть бы в глаза тому, кто додумался назвать неведение «блаженным». Это в разы хуже, чем обнаружить, что в коробке с пазлом не хватает единственного, главного кусочка. Например, того, где у персонажа нарисован глаз.

Видение фигурной картоночки с глазом отчего-то вдруг рассмешило Тому до слёз, до спазма на диафрагме, и, судорожно икая, она сама не заметила, как намочила хитрую бумажку.

Дыхание у девушки перехватило. Пластиковый стаканчик упал в отверстие унитаза, но было уже поздно, и реакция пошла полным ходом.

Контрольная минута растянулась липучей несвежей жвачкой, оставив еле заметный белёсый след в каштановой гриве Тамары, а глаз пазла обернулся старинным ключом, искомой переменной сложного уравнения, и рассчитывалась эта переменная по хлёсткой, как пощёчина, формуле: «Любишь кататься – люби и саночки возить».

Со свистом втянув в себя воздух, Тома распахнула глаза.

Двойная колея у твоих санок, царица Тамара. Двойная, чёрт её раздери.

7

Колесница

Суток с небольшим Максусу оказалось достаточно, чтобы допилить свою чудо-программу, а его начальнику – для того, чтобы сварганить презентацию той самой проги и ляпнуть прямо на конференции, что его подопечный, то бишь Макс, будет защищать по ней кандидатскую.

Всё бы ничего, но у этой кандидатской, кроме названия, пока не было написано ровным счётом ничего.

– А вы, часом, никого не забыли спросить? – презрев последние крохи субординации, напал Максим на руководителя, едва объявили перерыв. – Могу ли я, уж не говоря о том, хо...

– Макс, тема абсолютно новая, понимаешь? Об актуальности нечего и говорить, – глаза начальника, как и прежде, загорелись маниакальным огнём. – Более того, я тебе расскажу один секрет... Этой разработкой уже заинтересовались сверху, в департаменте социальной политики, так что помощь по мере сил нам окажут. Но действовать нужно быстро. Сейчас или никогда, знаешь ли, как и всё в нашей жизни...

Пришибленный последней фразой, которую начальник бросил ему в лицо уже на низком старте к группе коллег, Макс не нашёл, что ответить. Более того, он вдруг почувствовал, что не в силах даже поднять глаза, словно вместо шефа, который, кстати, не сказал главного – что Максина кандидатская станет ступенькой к его собственной докторской – вдруг увидел высокий тонкий призрак своего деда, услышал его тихий голос, который был ему знаком по редким видеозаписям, и, подчиняясь ему, завёл в своём сердце этот таймер, что не позволит ему тратить впустую ни единой минуты своей жизни.

8

Справедливость

Жидкая ртуть портала гудела, словно туго натянутый бубен под рукой шамана. Крупное воронье перо порхало в воздухе, вычеркивая на шуршащем пергаменте одну строку за другой, и в невидимой базе данных напротив имен тех, кто нашел в себе смелость явиться на зов почтовой рассылки, загорались зелёные огоньки.

Транскодеры шли к portalу в тишине и мгле, поодиночке, бледные, напряжённые – вдруг ловушка? Подходили вплотную к тонкой грани, что пахла молоком и сосновой смолой, делали короткий вдох в попытке заполнить пустоту под рёбрами, и, не оглядываясь за плечо, рывком бросали свои цифровые тела в зазеркальное где-то, в точку, где воплотится мечта, приложение сил даст невиданный результат...⁴

Были и такие, кто оборачивался назад, теребя рукав в поисках одобрительного кивка или бумажки с официальной гарантией безопасности, но когда они прекращали созерцать травы до колен и полузасыпанные песком жёлтые кирпичи пройденной дороги, второго шанса перед ними уже не было. Одна лишь белёсая хмарь.

Но Кай бежал от ледяной заплечной пустоты, готовый на что угодно – упасть с обрыва, сгореть в раскалённой лаве, напороться хрупкими рёбрами на острые кольца последней ловушки, лишь бы оборвать эту чёртову неизвестность и узнать, кто он сам для себя и кто он для Максима.

И некто скрытый во тьме, притом знакомый Каю чуть ли не с детства, терпеливо ждал уставшего, задёрганного парня по другую сторону портала, готовый сделать меж его ключиц аккуратный глубокий надрез и вернуть похищенную золотую шестерёнку, без которой сложный механизм Каевой души в последние годы стал бессовестно сбоить.

⁴ Д. Сидерос – Она приходит, если дело труба...

9

Отшельник

С отлётом Влада родители как-то загрустили, хоть и старались не подавать виду, и Макс, мучаясь глухим, абсурдным чувством вины, пытался вытащить их то в театр, то на выставку кошек, то на соревнования гидроциклов в Мякинино.

Отец ещё кое-как держался с Максом на прежнем уровне коннекта, но беседы с матерью потеряли для парня быллой объём и яркость, словно в его имплантах перегорел ускоритель 3D-графики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.